

ПРАВЕДНЫЙ ИОВ КАК ОБРАЗЕЦ ДУХОВНОГО СОВЕРШЕНСТВА

Ректор Доцент Архимандрит
ИОАСАФ (Морза)

Белорусский государственный университет (механико-математический факультет) — 1991; Минская Духовная Семинария — 1997; Афинский университет, богословский факультет — 2003; Минская Духовная Академия, кандидат богословия — 2003; доцент — 2009.

«Человек некий бяше во стране Авситидийстей, емуже имя Иов; и бе человек он истинен, непорочен, праведен, богочестив, удаляясь от всякия лукавыя вещи» (Иов 1, 1).

На протяжении всей книги упоминается о праведности и истинности Иова. По природе Иов был таким же человеком, как и многие другие, однако по добродетели был выше всех остальных. Истинным является тот человек, кто не лукавит и не прикрывается только добродетелью, но пребывающий в нелицемерной и неподдельной добродетели, кто не прикрывается целомудрием, но действительно целомудр¹. «Истинен» тот, кто сохранил в себе образ Божий, не утратил божественную красоту и делами своими показывает нелицемерную добродетель. Иов хранил веру в истинного Бога и утверждался на ней. Именно поэтому он, по мнению Дидима, оказался неуязвимым для диавола: «тот, кто утверждает себя на высоком мудровании истины, тот непобедим и попирает «лжеименное знание» (1Тим. 6, 20), тот же, кто обращается долу, к земным, ослепляясь и неведением помрачая свой разум, терпит позорнейшее поражение»².

На всякий день Иов возносил свои молитвы к Богу. Он не для иного чего вставал рано утром, но «чтобы приносить Богу жертвы за детей «по числу их», то есть за каждого и благочинно»³. После этого приносил за них в жертву тельца. Приносимый же за всех в жертву телец, по возвышенному толкованию Дидима, означает Христа, претерпевшего крест за род человеческий. «Не следует удивляться тому, — пишет Дидим, — что телец был образом Спасителя, ибо не был Иов непосвящен в тайну пришествия Спасителя»⁴. Этими словами Дидим свидетельствует, что за свою чистоту Иов удостоился от Господа пророческого дара. Одним из

ветхозаветных пророков считает «святейшего Иова» Олимпиодор, александрийский церковный писатель пятого века⁵, и Ориген: «Иов вещает таинства разума, любомудрствует о прошедших событиях и предсказывает будущее. Такими всегда были слова святых пророков»⁶.

Имея чистую и непорочную жизнь, Иов и детей своих воспитывал в благонравии и благочестии. Уже одно то, что они каждый день собирались в доме одного из братьев, свидетельствует о том, что они не искали нигде на стороне утех и развлечений, но имели в себе такую взаимную любовь и жили в таком согласии, что никогда не позволяли себе есть и пить вне своего родственного содружества. Сыновья Иова по очереди делали у себя пиры и проводили время в братском кругу среди невинных увеселений, чуждых всяких неумеренностей, излишеств и пьянства. Приглашали они также и сестер своих, «что, — как пишет Дидим, — есть ясный знак их целомудрия и красоты»⁷.

И когда богобоязненный Иов по окончании дней пиршеств приносил за каждого из детей жертву, говоря: «негли когда сынове мои согрешаши и в мысли своей злая помыслиша противу Бога» (Иов 1, 5), то и здесь, по замечанию Дидима, «показывается великая чистота детей»⁸. Ибо Иов, не видя в них чувственных и грубых грехов, умиловлял Бога о грехах мысленных, думая, что человеческая немощь в молодости часто имеет поползновение и падение. Поэтому «следует заметить, что не ради грехов своих дети подверглись такой смерти»⁹, — пишет Дидим. Необходимо также подчеркнуть, что здесь Дидим не соглашается с мнением о детях Иова Оригена, говорящего: «Дьявол искал время, чтобы их погубить. И если бы он нашел их читающими, то не прикоснулся бы к дому и не имел бы возможности их умертвить. Если бы нашел их молящимися, ничего же не смог бы им сделать. Но возмог, когда нашел удобное время. Какое же время? Было пьянство, было веселье»¹⁰.

Возможно, кто-то может сказать, что не бычадолюбивым Иов, потому что ни в чем достойно не проявил своего милосердия. Однако здесь «проявляются вместе и милосердие, и мужество Иова, ибо он показал, что принял страшную весть о смерти детей и не бесчувственно, и не без мужества. Тем, что «растерза ризы своя и остриже главу» (Иов 1, 20) об умерших, показывается милосердие (σπλαγχνίς) и любовь к детям, следующие же слова — пример мужества и превосходной мудрости, ибо он не отчаялся, не испустил вопль, мужу разумному неподобный, не произнес пренебрежительного слова, но, падши, поклоняется Родоначальнику всех в уверенности, что не вне божественного суда произошло все случившееся»¹¹.

После того, как Иов потерял все свое имение, детей, а вслед за этим впал в самую тяжелую болезнь тела, все его домашние и знакомые отстранились от него и оставили его. Даже жена его изнемогла в терпении и утратила сострадание к нему. Через нее-то дьявол вновь вступает в поединок с Иовом. И нужно сказать, что «из всех предшествующих козней напоследок дьявол приносит сильнейшую»¹². Жена дает Иову лукавый совет: «Рзы глагол некий ко Господу и умри» (Иов 2, 9). И вызывает удивление, что она имеет такое мнение о хуле, как будто она может принести мгновенную смерть: «Может быть, — рассуждает Дидим, — супротивник внушил ей это, чтобы исполнить то, к чему он стремился: «аще не в лице Тя благословит» (Иов 2, 5). Или, может, кто-то из князей или жителей, живущих в тех городах, умер, похулив Господа. Ибо я, говорит жена, не знаю ни одного похулившего и живущего. Может, жена помышляла, что Сам Бог не оставит в живых его, произнесшего хулу»¹³. Однако Иов понял, что она произнесла эти слова по дьявольскому наущению. Он ответил ей, что если все это сделал Господь, то надо умолять Его, а не хулить: «Будучи мудрым, Иов знал первую преступившую

заповедь обольщением диавола и сделавшуюся причиною преступления Адама»¹⁴.

Когда Иов был испытан через жену, и остался непобедимым, тогда уже диавол приводит не врагов, но трех друзей, имеющих не какие-то не правые догматы, но слова истины, однако не хорошо и не во время произнесенные. И хотел диавол через этих друзей сделать так, чтобы Иов произнес что-нибудь против Промысла, согрешил из-за болей, сделал зло из-за ран. «Необходимо признать, — пишет Дидим, — что человеческую мудрость имеют и друзья Иова, ибо не малый пример разума, когда они, будучи царями, оставляют свои страны и приходят утешить Иова»¹⁵. Друзья хотели показать промысл, что Бог наводит скорби за содеянное. И действительно, все они произносят истинные слова. Дидим пишет, что это не должно вызывать у читателя недоумение, потому что «обладающие божественной мудростью мужи, жившие и до закона, и во время писаного закона, многое с премудростью изрекли неписано, что впоследствии божественным водительством было передано письменно. Поэтому справедливо, что и друзья Иова, имеющие правильный разум, излагали переданные святыми слова»¹⁶. Поэтому Бог и подал им в конце прощение и повелел принести жертву за неведение, ибо они не из-за злого расположения обвиняли Иова, но говорили, оправдывая божественный промысл, хотя и не знали его в точности.

Как и в искушении, так и прежде него Иов не согрешал устами своими, что также является свидетельством его истинности и справедливости. Дидим замечает, «некоторые не видят разницы между «ничимже согреси Иов устнама» (Иов 2, 10) и «ничтоже согреси Иов пред Господем» (Иов 1, 22), другие же воспринимают это так, что о потере имущества и смерти детей сказано «ничтоже согреси Иов пред Господем» ни в слове, ни в помышлении», когда же Иов был поражен болезнью, то

«прибавляется ни «устнама», подразумевая то, что трудно сдержат слово мучимому сильной болью во всем теле»¹⁷.

Валдад же обвиняет Иова в многословии, вместо того, чтобы изумляться ему, ибо Иов, как будто забывая о боли, говорит такие слова о догматах, о которых друзья его не знают, и которые еще не исследованы ими. А святой, слыша от друзей упрёки во многословии, как будто говорит им: «Не думайте, о друзья мои, что я напрасно произношу слова. Именно потому, что я ничего не сделал напрасного и пустого, «не может бо утишитися душа моя» (Иов 6, 7) от напряжения против супротивника, ибо цель моя не напрасна, но имею надежду спасения»¹⁸. Хотя для праведного и были скорбны слова его друзей, однако он с мужеством перенес и это искушение, потому что «живущего по Боге не может погубить злоречие или поношение, называемое бичом языка, ибо добродетель покрывает его от принятия вины сказанных ему слов»¹⁹.

Рассуждая о грехе многословия, Дидим пишет, что многоречие судится не по множеству слов, ибо многие из согрешающих думают скрыть грехи множеством слов, как об этом говорит Софар Наамитянин: «Или многоречив мнится быти праведен?» (Иов 11, 1). Дидим замечает, что, во-первых, Иов не пустословит, ибо слова его утверждены на основании добродетели, а «всякое слово, лишнее благого дела, есть напрасное и пустое»²⁰. Немоощствуют же и ложные слова, от которых праведный также был чист: «Произнесенное слово без дел сомнительно и недостоверно, также недугует и не истинно переданное»²¹.

Во-вторых, божественное Писание, «научая избегать излишества в словах, говорит: «Во многословии не избежат греха» (Притч. 10, 19), называя здесь многословием возвешение неподобающего. А то, что не множество возвешаемых слов творит многословие, являет Апостол, «до по-

луночи продолжив слово» (Деян. 20, 7)»²². Это означает, что пустословный есть тот, кто говорит что-нибудь чуждое истине, но не тот, кто возвещает истину. Последний не многословит, даже если и говорит много. Потому что в этом случае он, по замечанию Оригена, как будто произносит только одно слово: «Вещающий что-нибудь чуждое богочестию многословит, говорящий же слова истины, даже если скажет все, ничего не упустив, всегда говорит только одно слово. И не многословят святые, имеющие одно слово, ведущее к цели»²³ (На евангелие от Иоанна, 5, 5). Наконец, когда праведный Иов изливает в словах скорбь своей души пред Богом, вопрошая Его о причине всего случившегося, то это он делает не ради себя, но ради других, ради своих друзей, имевших неправильное восприятие вещей: «Иов вопрошает у Бога о причине случившегося с ним, не пустословя, но желая, чтобы и другие узнали об этом»²⁴ — пишет Дидим.

Сам не согрешая в словах, Иов учит этому и своих друзей, потому что ничто так не поражает души человека, как суровое слово. Часто бывает, что претерпевший телесные мучения не может претерпеть слов. Только великие мужи, подобные Иову, могли мужественно переносить поношения. «С великой кротостью, — говорит Дидим, — святой Иов поучает друзей, как употреблять слова к тем, кто находится во обстоятельствах: вы должны научить, а не обличать безвременно, хотя и это делается к научению, по сказанному апостолом Павлом: «обличай, запрещай, увещавай» (2Тим 4, 2)»²⁵.

А когда Иов говорит: «Ныне же, воззрев на лица ваша, не солжу» (Иов 6, 28), то этим он «поучает не произносить злословных речей об отсутствующих, но в лицо говорить подобающее»²⁶.

Не согрешает Иов в словах и тогда, когда, сидя на гноищи и страдая жестокой болезнью тела, проклинает день своего появле-

ния на свет. Потому что Иов, как «мудрый человек, не есть пустослов и не высказывает языком того, что, по его мнению, должно случиться и чему не должно быть. Проклинает же Иов не день, который есть промежуток времени, но то, что случилось в этот день, ибо Писание обычно называет днем случающиеся в нем события»²⁷.

Слова проклятия, по аллегорическому, духовному толкованию Дидима, праведный «говорит обо всем роде человеческом. Так как знает святой, что некое великое смятение случилось всем выдающим нашедшее на него и знающим, что незаслуженно страдает, возводит слово к первопричине всех бед. И как любвеобильный врач, видя многих, впадших от бесчиния в беду, проклинает это бесчиние, так и сей блаженный, исцеляя и пользуя падших, проклинает день падения людей, обобщая слово»²⁸.

Итак, первопричина всех бед — это диавол, увлекший к падению род человеческий и ввергнувший его во глубину зол и страданий. Поэтому слова Иова должны восприниматься не как проклятия, но как молитвы к тому, чтобы прекратилось зло, потому что, как говорит Дидим, «желание добродетели — делать неизвестным путь зла. И оказывая прилежание в добре, можно совсем забыть действие зла. Это зло достойно проклятия, и оно предуготовляет к проклятию тех, кто творит его»²⁹. Молитва святого здесь простирается к тому, чтобы люди пришли покаянием ко Творцу: «Святой не хочет соприсчислить к числу дней года день грехопадения, ставший скорбным по той мрачной причине, и ночь, называемую беспросветной, чтобы покаянием пришло какое-то исправление»³⁰.

Тот человек непорочен, у кого нет недостатка ни в какой добродетели, кто в своей жизни удаляется от всякого зла. Говоря о непорочности Иова, Дидим пишет, что он, «удаляясь от зла, удалялся не так, как младенцы, но проявляя совершенную до-

бродетель. Восхваляется прежде всего его мужество, вместе с тем он не был лишен и других добродетелей: был готов к страннолюбии, к милостыне, был отцом сиротам, помощником для немощных, глазами для слепых и ногами для хромых»³¹.

Действительно, праведность совершенного мужа, сознательно направляющего все силы души к тому, чтобы не делать зла и творить добро, отличается от невинности младенцев, еще не приобретших достаточных познаний к различению добра и зла. Поэтому Дидим и говорит, что непорочность «имеет два значения: одно — ничего не делать плохого, другое — делать правду (ἔστιν δὲ τὸ ἄμεμπτον διττόν, τὸ μὲν τῷ μηδὲν ἐνεργεῖν, τὸ δὲ τῷ διαιοποραγεῖν)»³². И в другом месте: «Ибо то достойно похвалы, когда могущий быть злым удаляется от зла, ненавидя все, что может привести к нему. Ибо не о всяком, не делающем зла, можно сказать, что он удаляется от него: никто не может сказать о младенцах, что они удаляются от зла»³³.

Более того, некоторые считают, что могут быть наказаны Богом те, которые только лишь удаляются от неправды, но пребывают в небрежении и не заботятся о стяжании добродетели: «Не только делать неправду, но и не делать добра подлежит наказанию (οὐ μόνον τὸ ἀδικεῖν, ἀλλὰ καὶ τὸ μὴ εὐεργετεῖν ὑπεύθυνον)»³⁴. Именно в этом видит Дидим совершенство праведного, когда говорит: «Иов был совершенным мужем, во всем удаляясь от зла и прилепляясь ко благу, ибо свойство совершеннейшего человека не только удаляться от зла, но достигать верха добродетели, свободно и сознательно удаляясь от противных расположений»³⁵.

Рассуждая о добре и зле, Дидим пишет, что «Зло не имеет ипостаси, оно заключается только в свободном произволении действующего, если тот захочет не делать его, прекратится и зло»³⁶. Зло — это не самостоятельная сущность, оно не имеет в самом

себе бытия, но это изъяз, это отрицание добра. И вся сила его только в согласии с ним свободных существ, избирающих его и привлекающих к себе. Всякий человек, устрояющий свой душевный дом, должен знать и понимать, что «зло не имеет ипостаси (ἀυπόστατος ἐστὶν ἡ κακία), поэтому бездомен всякий злой человек, будучи всегда неустроенным (ἄτακτος) и не имея пристанища (ἔδραϊον) вследствие этой злобы»³⁷. Свой душевный дом человек строит из многих добродетелей: «Одной добродетели недостаточно для постройки дома, ведь и в Притчах сказано во множественном числе: «жены создаша домъ» (Притч. 14, 1)»³⁸. Много страданий, сил и мужества требуется к этому. Напротив, зло приводит к быстрому разрушению дома: «Одного же зла достаточно к разрушению. Ибо сказано, если кто исполнит всякую правду, сотворит же одно беззаконие, тогда оставляется всякая его правда. Из-за единственного пришедшего зла добродетель уже не существует и не пребывает. Поэтому преуспевающему необходимо молиться, чтобы не упасть и не согрешить»³⁹.

Сам Господь свидетельствует о праведности и богочестии Иова. Праведность же, по словам св. Иоанна Златоуста, «есть совокупность и соединение всего хорошего и доброго»⁴⁰. Иов был совершенным и в добродетелях человеческих, и в отношении к Богу. Его можно сравнить с опытным кормчим, который не потопляется, когда бушует море и встают волны, и не делается беспечным во время тишины, но на всякое время одинаково сохраняет свое искусство. Иов подобен мужественному воину, умеющему пребывать во всяком виде поединка и отовсюду сдерживать врагов. Ибо он не возгордился, будучи богатым, не отчаялся, оказавшись в бедности, ни преткнулся течением событий, не смутился, нашедшим бедствием потерявши все свое имущество, но во всем показал свое мужество: «Как несокрушимая стена, когда в нее бьет множество хотящих

разрушить ее сил, по-прежнему пребывает недвижимой, так и святой Иов, на камне спасения имея основание, не склонился перед нашедшими искушениями»⁴¹.

«Иов не отступает от добродетели ни из-за богатства, ни из-за детей»⁴², — пишет Дидим. Именно потому в начале книги упоминается о непорочном жителстве Иова, о его многочадии, богатстве и имуществе, чтобы показать, что «он имел во всем этом избыток и все это презред, когда оно отнялось от него в искушении»⁴³.

Своим примером Иов научает иметь правильное отношение к богатству, потому что его «не надмилло богатство, и не смирила бедность»⁴⁴. Все земные блага имеют только относительное значение, — знал «имеющих познание вещей, что почитаемое за благо является таковым не по своей природе, но последует мнению того, кто его употребляет, также и злое не в действительности является злым, но все имеет ценность в зависимости от употребления»⁴⁵.

Есть несправедно приобретенное богатство, которое не приносит пользы обладающему им и может легко ввергнуть человека в погибель. Ориген, к слову, при толковании книги Иова под несправедным этим богатством аллегорически понимает еретические учения: «Богатство, несправедно приобретенное — это слова еретиков, имеющих учения, противные догматам истины, как во Второзаконии в песне Моисея сказано о вине их учения: «Ибо виноград их от виноградной лозы Содомской» (Втор. 32, 32)»⁴⁶.

Само по себе богатство ни хорошо, ни худо. Его ценность определяется тем отношением, которое имеет к нему обладающий им. Для сребролюбца оно является тем препятствием, о котором говорит Спаситель: «трудно богатому войти в Царство Небесное» (Матф. 19, 23). Это происходит по той причине, что «хотя и имеет многое

стяжание неверный, но он не владыка его, но раб, ибо работает мамоне. Праведный же имеет не рабское помышление»⁴⁷, — говорит Дидим. Поэтому Иов, «не будучи сребролюбом или льстецом, не почитал для себя достойным общаться с богатыми. Он мужественно перенес потерю всего своего имущества и не принял богатства друзей, пребывая не прельщенным и имея свободное произволение и неподвижное слово»⁴⁸. И, наоборот, «имение богатства способствует к стяжанию добродетели тем, кто умеет им пользоваться, само же по себе оно к этому не содействует»⁴⁹.

И праведный Иов, и все святые, положившие в сердце свое такое отношение к богатству и «отвергнувшие естеством незначущее, не почитают тяжким для себя их лишение, и других увещевают, как и блаженный Давид, поющий: «Богатство аще течет, не прилагайте сердца» (Пс. 61, 11)»⁵⁰.

Основание и мать всякой добродетели — это молитва. Беседу Иова с друзьями можно воспринимать как молитву, в которой он изливает пред Богом свою душевную скорбь и вместе с этим учит, как правильно молиться. Когда Иов говорит: «Да придет прошение мое» (Иов 6, 8), то здесь он «надеется, что придет то, о чем просит в молитве. Потому что не каждый знает, молится ли он для пользы, но только святые. Живущие по воле Божией принимают и «извещение упования» (Евр. 6, 11)»⁵¹. А когда святой восклицает: «Аще бо и праведен буду, не услышит мене; суду Его помолюся» (Иов 9, 15), то, по объяснению Дидима, «Иов опять научает друзей не воспринимать только одну причину страданий, высказывая мысль, что если кто, будучи праведным, молится об удовольствиях (*καθ' ὑποθέσειν εὐχῆται τὰ ἡδέα*), не всегда бывает услышанным. Нуждается и он в божественном соизволении»⁵².

На увещание Валдада Савхейнина «Ты же утренней ко Господу Вседержителю моля-

ся» (Иов 8, 5) Иов как бы отвечает, что в молитве у Бога просят не только доброго и желанного для души, но и полезного: «Не всегда молящийся получает просимое, и не всегда надлежит просить Бога «неумными руками» (Матф. 15, 20). Ибо правильно воссылающий молитву Богу удостоивается получить то, что полезно ему и причисляет Подающему»⁵³.

Наконец, действенность молитвы зависит не только от того, кто молится, но и от душевного расположения того, о ком молятся: «Следует тому, за кого святым воссылается молитва к Богу, споспешествовать молитве. Ибо если делает противное молящемуся, совершает подобное тому, о чем сказано: «Един созидай, а другой разоряй; что успеет более, токмо труд?» (Сир. 34, 23). Вместе с этим, однако же, постыжается и молящийся»⁵⁴.

Иов был праведным и богочестивым; «праведник же приобретает благородство не от людей, но от воссиявшего света «солнца правды»⁵⁵, а истинно «богочестив тот, кто чтит честное житие, и нечестив почитающий нечестие (ἐχέϊνος γὰρ τῷ ὄντι θεοσεβής ἐστὶν ὁ τὸν σεβασμοῦ βίον σεβῶν, τῶν τὰ μὴ σετὰ σεβομένων ἀσεβῶν τυγχανόντων)»⁵⁶.

Началом своей добродетели Иов положил смиренномудрие, ибо, по словам Дидима, «начало возвышения, которое от Бога, — смиренномудрие, которое от нас»⁵⁷. Это качество Иова проявляется во всех его делах, во всех словах и помышлениях. И за одну эту добродетель Господь возвышает Своих служителей и дарует им глубокий душевный мир, даже если они оказываются в различных испытаниях: «Безмолвие и спокойствие души дается святому согласно сказанному слову: «и почиет кийждо под лозою своею, и кийждо под смоковницею своею, и не будет устрашающего» (Мих. 4, 4). Это не чувственно следует понимать, но если кто имеет деятельное житие, которое понимается под смоковницей, и созерцательное, которое обозначается виноградной

лозой — символом веселия и радости, — то уже не страшится, не имея устрашающего диавола или бесов»⁵⁸ — пишет Дидим.

Итак, Иов достиг совершенства и в делах своих, и в разумной добродетели. В делах, потому что был отцом для сирот, помощником для немощных, глазами для слепых и ногами для хромых. Разумная же его добродетель проявилась в терпеливом перенесении скорбей и болезней, в том, что его не занимали помышления о земном и преходящем, но он поступал по слову апостола Павла: «О горнем помышляйте, а не о земном» (Кол. 3, 2).

Ибо друзья праведного произносили слова о земных вещах и обращали внимание более на те явления, которые постигают людей в их земной жизни. Однако своим помышлением Иов восходит выше всего этого, отвращая свой помысел от земли и обращая его к небу, как пишет об этом Дидим: «Когда ум простирается к Богу всяческих и Его зрению (τὴν ἐκείνου θεωρίαν), тогда бывает неким образом забвение человеческого. В таком состоянии блаженный Давид пел, что: «Забых снести хлеб мой» (Пс. 101, 5)»⁵⁹.

Упражняясь в умозрении, Иов достиг такой чистоты ума, какой не имели те, о которых он говорил: «Во дни обымет их тьма, в полудне же да осяжут, якоже в нощи» (Иов 5, 14), потому что как бельмо (ὕλοχρησα), находящееся на глазу, мешает зрению, так и страстный ум делает невидимым и ясное и явное. А поскольку страстный ум есть тот, который увлекается ведущими ко злу помышлениями, то Иов «желая, чтобы помрачились звезды той ночи, в которую он родился, желает, чтобы не почитали желанным то, что не является таковым. Поскольку грехолюбивые души имеют что-то влекущее их ко злу — или учение зла, или ведущие ко злу помышления, — то святой желает, чтобы звезды не содействовали тем, кто пребывает

во зле»⁶⁰. Подобным же образом толкует Дидим и слова Премудрого «Домове беззаконных требуют очищения, домове же праведных приятни» (Притч. 14, 9): «Не о чувственных вещах, но о тех, которые в разуме, говорится здесь, требующих очищения от злых. У добродетельных же они приятны, достойны похвалы, ибо добро желанно (αἰρετόν), даже если его никто не желает, и приятно (δεκτόν), даже если его никто не принимает»⁶¹.

Почему многие из праведников бедствуют, а многие нечестивые благоденствуют? Разрешить это недоумение о божественной справедливости стремятся и сам Иов, и его друзья. Другьям, защищающим божественный Промысл, ничего иного не оставалось, как обвинять Иова, потому что в их представлении являлось «нарушением божественного правосудия то, что Иов, будучи праведным, страдает. Или даже если не он согрешил, то его сыновья. Они думали так, не понимая, что один за другого не наказывается»⁶².

Такое слишком узкое и однобокое восприятие Промысла Божия и заставляло Иова снова и снова вступать в полемику с другьями. Иов не знает за собой ничего греховного и убеждает, что может и не согрешивший впасть в болезни. «Великое же свидетельство, — замечает Дидим, — ничего не знать за собою. Праведный научает, что болезни, которые он именует гневом, так же, как и смерть, — это общая участь и для царей, и для невежд»⁶³.

Конечно же, будучи праведным, Иов «не должен был говорить: «Праведен есмь» (Иов 9, 20). Ибо праведный говорит такие слова не о себе, а о другом. Этому подобно и «Я дошел до безумия: вы меня к сему принудили» (2Кор. 12, 11). Ибо когда другья его полагали, что он страдает за грехи, Иов некоторым образом был вынужден говорить, что не из-за грехов, но «праведен есмь»⁶⁴ — замечает Дидим.

А страдания испытывают люди по разным причинам, не только по грехам своим: «разные обстоятельства случаются не от судьбы и не сами собою, но от божественного соизволения, как и в случае с Иовом для выявления его добродетели»⁶⁵. Находящиеся скорби или болезни также случаются или ради епитимии и исправления, «или для того, чтобы увенчался всякий, перенесший их великодушно, с терпением и мужеством. Не зная этого, другья Иова полагали, что он страдает, будучи наказываемым за преступления»⁶⁶.

В своих толкованиях Дидим неоднократно подчеркивает, что Иов знал о причине своих страданий, он был извещен от Бога, что все это случилось не ради грехов, но ради подвига. Поэтому все слова Иова должны восприниматься не как спор с Богом, не как признак (по мнению некоторых) душевного отчаяния — ибо все это не прилично святому, но как прекрасный пример божественного любомудрия (φιλοσοφίας): «Святой Иов, имея чистые чувства, принимает раны от Бога, зная, что Он прекрасный наставник, и воспринимает эти раны не как мучение, но как испытание»⁶⁷.

Сокрытый и не всем видимый суд Божественного промысла испытывает Иов ради научения слушающих, чтобы, во-первых, не огорчались (μη δυσαρκεστῶνται) случающимся, во-вторых, даже зная, что это бывает от Бога, не воспринимали это как случающееся само собою или волей судьбы.

Дидим следующим образом объясняет ту великую скорбь, которую имел в своей душе праведный Иов. Не потеря богатства и детей, не телесная болезнь, не жестокие слова друзей и не незнание Промысла Божия более всего мучили его. Но что же? «Хотя Иов, — пишет Дидим, — в точности знал истины веры, что не без ведома Бога случилось нашествие искушений, однако все случившееся доставило ему величайшую скорбь из-за того, что многие соблазнились,

будто Господь стал против него»⁶⁸. Потому что праведные тягостятся, видя неподобные дела, совершаемые грешными, а также скорбят, когда многие соблазняются и теряют веру. Поэтому Иов «боялся, как бы не помыслил кто-нибудь из немощных, что никакой пользы нет в добродетели, когда имеющие ее наказываются Богом»⁶⁹.

И обращение Иова к Богу с вопросом: «Почто мя еси положил прекословна Тебе?» (Иов 7, 20) следует понимать «не так, как будто он противник Бога, да не будет! Но его слова означают: «Почему ради меня, Владыко, поносится имя Твое?» Он смущается больше тем, что может еще больше быть оставлен Богом. Ибо ничем так не наказывается боголюбивая душа, как подозрением быть оставленной Богом»⁷⁰ — говорит Ориген.

Божественный Промысл всегда обращает зло во благо и поэтому временно попускает его. Такое попускание Божие праведным впасть в болезни отличается от Его гнева, посылаемого грешным: «Если и страдает праведный, то он находится не под гневом, но в подвиге. Итак, если случатся болезни праведному и нечестивому, то это не одно и то же; но один находится под гневом, другой же — нет. Более того, отвратит Бог от праведного гнев, хотя показать его победителем, как мучеников или как сего Иова. Ибо гнев, посылаемый на недобрых людей, отвратил от Иова Тот, Кто явил его добродетель»⁷¹ — говорит Дидим. Господь не с ненавистью посетил Иова, но чтобы показать супротивнику, что его злоба не может превозмочь человеческую добродетель, а также, чтобы когда-нибудь и божественные силы удостоились узнать волю Божью о попускании для Иова этого подвига, чтобы яснее явилась победа блаженного.

Страдание, не осмысленное разумом, само по себе остается только злом, не приносит пользы никому. Добродетельный же человек и его обращает к своей душевной пользе. Терпеливо перенося искушения и скорби, такой человек все причиненное ему

зло обращает к приобретению блаженства вечной жизни. По мнению Дидима, «не может быть пользы для души без случающихся болезней и скорбей, которые являются для нее и пищею (οὐ δύναται ὠφέλεια ψυχῆς καὶ τροφή ταύτης ὑπάρξει μὴ πόνου καὶ θλίψεως γεγενημένου)». «Снестся ли хлеб без соли?» (Иов 6, 6). Здесь хлеб означает пользу, а соль — болезни, без которых добродетели достичь невозможно»⁷².

Когда Псалмопевец говорит: «Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь» (Пс. 33, 20), то «спасти от скорбей» не есть «не скорбеть вообще», «но прежде всего не быть побежденным ими, не быть уловленным в сети находящих скорбей. Хотя и наводит Бог скорби, однако жалеет свое творение»⁷³.

Только перенесший скорби может правильно воспринимать жизненные явления и замечать то, что сокрыто от безмятежного взора. Без страданий и скорбей никто не может прийти к духовному совершенству, никто не может понять Голгофскую жертву Христа, прообразом Которого был праведный и многострадальный Иов. Повторяя мысль Великого Афанасия: «Бог воплотился, чтобы мы обожились», Дидим также пишет, что все должны стремиться к достижению этой цели — обожения: «Не ставший богом добродетелью, но пребывающий только в состоянии человека — тот есть в гневе и малолетен, в этой только жизни имея надежду (1Кор. 15, 19). Верующий же в Спасителя, так что от этого становится богом, уже не подлежит Его мучительному гневу, даже если и скорбит, ибо гнев здесь называется скорбью»⁷⁴.

Терпение и добродетель Иова являлись примером и утешением для всех поколений людей во все времена. Подвиг этого «удивительного и великого мужа, прославляемого по всей вселенной»⁷⁵ является доказательством истинности слов Спасителя: «Претерпевый же до конца, той спасен будет» (Матф. 10, 22).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ ВЕПЕС 47. 107, 5.
- ² Там же, 68, 38.
- ³ Там же, 16, 5.
- ⁴ Там же, 16, 17.
- ⁵ Hagedorn U., Hagedorn D. Olympiodor Diakon von Alexandria. Kommentar zu Hiob. Patristische Texte und Studien. Berlin, 1984. С. 5.
- ⁶ PG 17. Ориген. Беседы на Иова. С. 68.
- ⁷ ВЕПЕС 47. 15, 30.
- ⁸ Там же, 16, 23.
- ⁹ Там же, 16, 29.
- ¹⁰ PG 12. Ориген. Изъяснение Иова. С. 1032.
- ¹¹ ВЕПЕС 47. 26, 14.
- ¹² PG 17. Ориген. Беседы на Иова. С. 60.
- ¹³ ВЕПЕС 47. 33, 31.
- ¹⁴ Там же, 34, 22.
- ¹⁵ Там же, 59, 38.
- ¹⁶ Там же, 72, 8.
- ¹⁷ Там же, 35, 8.
- ¹⁸ Там же, 84, 6.
- ¹⁹ Там же, 74, 20.
- ²⁰ Там же, 84, 33.
- ²¹ Там же, 93, 25.
- ²² Там же, 137, 22.
- ²³ Blanc C. Sch. № 157. Origine. Commentaire sur saint Jean. Paris, 1970.
- ²⁴ ВЕПЕС 47. 43, 30.
- ²⁵ Там же, 93, 3.
- ²⁶ Там же, 94, 10.
- ²⁷ Там же, 37, 15.
- ²⁸ Там же, 39, 6.
- ²⁹ Там же, 40, 2.
- ³⁰ Там же, 40, 11.
- ³¹ Там же, 13, 8.
- ³² Там же, 113, 3.
- ³³ Там же, 19, 39.
- ³⁴ PG 17. Ориген. Беседы на Иова. С. 81.
- ³⁵ ВЕПЕС 47. 12, 37.
- ³⁶ Там же, 63, 17.
- ³⁷ Там же, 103, 11.
- ³⁸ Там же, 77, 38.
- ³⁹ Там же, 78, 4.
- ⁴⁰ Св. Иоанн Златоуст. Творения. Том 12, кн. 3. Толкования на книгу Иова. СПб., изд. СПб-й Духовной Академии. 1906. С. 1009.
- ⁴¹ ВЕПЕС 47. 23, 30.
- ⁴² Там же, 27, 23.
- ⁴³ Там же, 14, 32.
- ⁴⁴ Св. Иоанн Златоуст. Творения. Том 12, кн. 3. СПб., 1906. С. 1007.

⁴⁵ ВЕПЕС 47. 34, 29.

⁴⁶ PG 12. Ориген. Изъяснение Иова. С. 1033.

⁴⁷ Hagedorn U., Koenen L. Didymos der Blinde. Kommentar zu Hiob. Bonn, 1985. С. 394.

⁴⁸ ВЕПЕС 47. 45, 16.

⁴⁹ Там же, 20, 39-21, 2.

⁵⁰ Там же, 90, 5.

⁵¹ Там же, 85, 32.

⁵² Там же, 110, 25.

⁵³ Там же, 111, 6.

⁵⁴ Там же, 92, 13.

⁵⁵ Там же, 15, 16.

⁵⁶ Там же, 20,9.

⁵⁷ Там же, 66, 18.

⁵⁸ Там же, 140, 4.

⁵⁹ Там же, 83, 32.

⁶⁰ Там же, 42, 7.

⁶¹ Там же, 76, 37.

⁶² Там же, 98, 29.

⁶³ Там же, 113, 15, 20.

⁶⁴ Там же, 112, 27.

⁶⁵ Там же, 21, 33.

⁶⁶ Там же, 54, 34.

⁶⁷ Там же, 85, 37.

⁶⁸ Там же, 23, 38.

⁶⁹ Там же, 24, 7.

⁷⁰ PG 17. Ориген. Беседы на Иова. С. 68.

⁷¹ ВЕПЕС 47. 109, 22.

⁷² Там же, 84, 27.

⁷³ Там же, 123, 19, 27.

⁷⁴ Hagedorn U., Koenen L. Didymos der Blinde. Kommentar zu Hiob. Bonn, 1985. С. 362.